

АНТИИСТОРИЦИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ МИШЕЛЯ ФУКО

Аннотация

Хотя Фуко был одновременно и историком, и философом, свое понимание истории он основывал вовсе не на философских предпосылках. В основе исторических методов Фуко лежал интерес скорее к особенностям исторических событий и структур, чем стремление выработать фундаментальные взгляды на знание и реальность. В статье предлагается анализ философско-исторических воззрений Мишеля Фуко с точки зрения их противостояния постулатам традиционной истории. Среди последних выделены непрерывность, телеологичность, приверженность идее коллективного сознания, избегание нестандартного, диалектичность, первенство философского, склонность к гуманистической перспективе, рациональность и уничтожение дискурсивной сферы.

Ключевые слова: археология, генеалогия, исторический метод, Мишель Фуко, историцизм.
Keywords: archeology, genealogy, historical method, Michel Foucault, historicism.

Двадцатый век начался под знаком кризиса исторического сознания: под вопросом оказалась способность человеческого разума познавать истину, а значит, раскрывать смысл бытия. В результате этого сопротивления историческому сознанию история была лишена тех важных интеллектуальных позиций, которые она занимала в XIX веке, когда господствовала академическая историография, построенная на научных принципах Леопольда фон Ранке. Однако кризис этот был не нов. Она началась еще в конце XIX века и был уже достаточно ощутим в трудах историков и философов в начале XX века, ставя под вопрос предмет и методы исследования академических историков. Ряд общественно-политических, экономических и культурных явлений, из которых особенно тяжелыми выдались Первая мировая война и последующие трагические события, подорвали веру европейцев в идею прогресса. Вместе с этим были поставлены под вопрос мировоззренческие основы историцизма. В ситуации, когда господствовали идеи прогресса и органического или диалектического развития, было легко верить, что история является жизненно необходимой дисциплиной; но с упадком этих убеждений историческая наука все больше уступала другим дисциплинам, более релевантным или творческим в своих подходах. Типичным ответом историков XX века на угрозу потенциальной нерелевантности истории была попытка расширить предмет ее исследования и таким образом придать ей новое дыхание. Так, например, Ф. Майнеке был убежден, что историческая наука вернет свою былую славу, если обратит большее внимание на историю идей, а основатели Школы Анналов Л. Февр и М. Блок сосредоточились на реконструкции социо-экономических процессов прошлого и методологической переориентации на социальные науки, занимавшихся изучением тех же вопросов в современном обществе [14, 452]. Но если эта переориентация и расширение предмета исследования истории означали модификацию или даже отречение от политического фокуса академической истории XIX века, новые историки все же не решились существенно отойти от общепринятых представлений традиционной историографии.

Фуко часто называют философом, социальным теоретиком и культурным критиком, но почти все его книги, начиная от «Истории безумия» и заканчивая «Историей сексуальности», имеют характер исторически ориентированных исследований. Когда администрация Коллеж де Франс предложила философу придумать название для новой должности, предметом своего исследования Фуко выбрал «историю систем мысли» [5, 233-238]. В пояснительной записке,

подготовленной для комиссии, которая рассматривала предлагаемые проекты исследований, он написал: «Рядом с устоявшимся науками (историю которых обычно пишут) и феноменами мысли (которые изучают историки) следует сделать анализ истории систем мысли», чтобы вернуться к проблеме «знания, условий его существования и статуса познающего субъекта» [11, 9]. Однако сам мыслитель никогда не считал себя историком идей в традиционном смысле: свой труд он называл «археологией», а позднее «генеалогией» мысли.

Фуко выступал против исследований, основанных на традиционных исторических методах. Он утверждал необходимость освободиться от многочисленных форм и методов традиционной истории, ставя под сомнение ее амбиции постичь истину [3, 24]. По мнению философа, стремление выявить прошлую реальность и научно реконструировать ее не является первоочередной задачей историка. Более уместным в современном общественном и научном контексте было бы рефлексировать о прошлом, чем исследовать его. Какие элементы традиционной истории идей Фуко пытался исправить или искоренить?

Первое, что обычно отмечают исследователи Фуко в его трудах, – это сопротивление «дискурсу непрерывности», присущему в традиционных исторических исследованиях. Понятие непрерывности (*continuité*) тесно связано с такими не очень хорошо определенными, но функционально понятными и известными каждому, кто работает в сфере истории, понятиями, как «традиция», «влияние», «развитие», «ментальность», «дух эпохи» и т.д. История идей часто обращается к ним, хотя, по мнению Фуко, эти понятия слишком размыты, чтобы что-нибудь объяснить. Понятия «непрерывности» и «традиции» – условные, искусственно навязанные, так же, как и «ментальность» и «дух», которые позволяют установить общность смысла между одновременными и последовательными явлениями определенной эпохи или, скажем, предлагают объяснить единство коллективного сознания. Именно эти искусственные синтезы, по мнению философа, навязывают методологию и способ подхода к проблемам. Мы настолько к ним привыкли, что эти категории кажутся нам естественными и необходимыми, в то время как «литература» и «политика» – категории относительно недавние, и применительно к средневековой культуре или даже классической эпохе мы можем использовать их только как ретроспективную гипотезу» [3, 24]. Фуко призвал перестать верить в самоочевидности этих понятий, признать, что они не являются надежной точкой, исходя из которой можно задавать другие вопросы.

Мыслитель также настаивал на необходимости отречься от телеологизма истории – ситуации, когда смысл истории объясняется с точки зрения ее конечной цели, и нарратива, который подводит к ней. Традиционно считается, что история получает смысловое единство и вектор развития с учетом ее конечной цели или завершения. Объясняя суть классического академического историописания, Франсуа Фюре писал, что «нарративная история – это история событий. А вся история событий является телеологической историей: только «окончание» истории делает возможным выбор и осмысление событий, конституирующих ее» [13, 54]. Однако, по мнению Фуко, связь между непрерывностью, нарративностью и телеологией, имплицитно присутствующая в трудах историков, слишком прозаична. Вопреки утверждению Фюре, свой главный акцент он делал на события, которые пытался предстать сознательно нетелеологично. «Есть многочисленные объективации, – писал Поль Вен о философской инновации Фуко, – вот и все: проблема соотношения множества практик с единством возникает, только если пытаются придать им единство, которого у них нет... Все беды происходят от иллюзии, в силу которой мы "овеществляем" объективации в естественном объекте: мы принимаем конечный пункт за цель, мы принимаем место, куда снаряд попадает сам собой, за мишень, в которую специально целились» [1, 366-367].

Другим существенным элементом традиционной истории идей, к которому Фуко относился с недоверием, было присутствие в исторических текстах коллективного сознания. Непрерывная история, писал философ, «служит необходимым коррелятом основополагающей функции субъекта, гарантией того, что все ускользнувшее от него рано или поздно будет возвращено, уверенностью в том, что все рассеянное во времени можно вновь свести в определенные, прежде существовавшие единства, и вещи, разделенные

границами различий, будут вновь (в форме исторического сознания) присвоены субъектом, который восстановит над ними свою власть и обретет свое место. Превращая исторический анализ в дискурс непрерывности, а человеческое сознание – в исходный субъект становления и практики, мы сталкиваемся с двумя сторонами одной и той же системы мышления. Время, понятое в рамках всеобщности и революций никогда не было ничем иным, кроме как моментом сознания» [3, 15].

В той форме, в которой практикуется современная история идей, она абсолютно не толерантна к явлениям, не вписывающимся в предустановленные категории: речь идет об аномалиях, маргинальных явлениях или событиях, исключениях и т.д.. В 1964 году Фуко впервые проявил интерес к нерегулярному и выходящему за пределы нормы и продолжал работать в этом направлении до конца своей жизни. Начав свои исследования в исторических архивах, Фуко очень быстро понял, что существует целый пласт документов, которые на протяжении десятилетий, а зачастую и столетий лежат нетронутыми. Письменные свидетельства об истории науки, философии, литературе были отброшены историками как «нерелевантные», «квазинаучные», «квазифилософские», «квазилитературные», поскольку по тем или иным причинам они не поддерживали определенную линию исторического нарратива, а иногда явно противоречили ей. В ситуации, когда история перестала приспособляться к заранее определенной стратегии повествования, эта масса документов приобретает статус нового культурного объекта, требующего отдельного определения и методов исследования. Интерес мыслителя к маргинальному и исключенному, к проблемам «квази» в истории стал основой его генеалогической критики власти социальных норм. В 1974-1975 годах он, например, даже посвятил отдельный курс проблеме ненормальности [4].

Во введении к английскому переводу произведения своего учителя Жоржа Кангьема «Нормальное и патологическое» Фуко заметил, что этот выдающийся историк «опустил историю науки с высот (математика, астрономия, галилеевская механика, ньютоновская физика, теория относительности) к середине, где знание гораздо менее дедуктивное, более зависимое от внешних процессов (экономических стимулов или институциональной поддержки) и где оно остается привязанным к капризам воображения» [6, xiii]. Ж. Кангием отказался от понимания истории как кумулятивного прогресса по направлению к Истине. Его исследования известны благодаря концепции «прерывности» и сосредоточены на «нормативности в различной научной деятельности в той форме, в которой она была введена в игру» [6, xv]. Говоря о традиционной истории с ее имплицитным постулатом непрерывности, Фуко отмечает: «Прерывность, которую вытравляли из истории, была как бы знаком темпоральной разлаженности» [3, 12].

Сопrotивление концепции непрерывности и привязанному к ней метаисторическому субъекту означало для Фуко также непринятие гегелевской диалектики в тех формах, в которых она существовала в истории философии, начиная от Маркса и заканчивая Сартром. Фуко писал о «неврозе диалектики»: несмотря на любовь к игре противоположностей, открываемых в процессе взаимодействия, она все же «не освобождает различия, а наоборот, гарантирует, что их всегда можно воспроизвести. Диалектическая суверенность подобия состоит в том, что позволяет различиям существовать, но всегда под властью негативного, как момент небытия» [9, 358]. Некоторые исследователи называют Фуко метатеоретиком конца традиционной (как говорил сам мыслитель, «диалектической») философии, на смену которой приходит «философия трансгрессии – выхода за и сквозь предел, тот предел, за которым теряют смысл базовые оппозиции, ценности и смыслы западного культурного мира» [2].

Еще один аспект традиционной истории идей, которому противостоит Фуко и к которому, по его мнению, склонялись В. Дильтей и Э. Кассирер, касается признания идеологического и мировоззренческого первенства философии, «как будто бы мысль эпохи имела свое определенное место... больше в теории мира, нежели в науке, больше в эстетике, нежели в произведении искусства, более в философии, нежели в институте» [12, 3-4]. Задачей новой истории мысли, которую он называл «археологией», является «узнать, как

распознать мысль в ее анонимных ограничениях, проследить ее во всех вещах или безмолвных жестах, придающих ей положительный вид, позволить ей развернуться в этом измерении «одного», где каждый индивид и каждый дискурс формирует не что иное, как эпизод рефлексии» [12, 3-4]. Иными словами, археология противостоит гуманистическим импульсам традиционной истории.

Отвержение «гуманистического» вектора, обращенного к субъекту, – неотъемлемая составляющая всех работ Фуко. В «Словах и вещах» мыслитель писал, что гуманизм родился из «антропологического сна», присущего мысли XIX века. Гуманистическое мышление (например, в стиле Сартра) рассматривает историческое время и историческое значение с точки зрения субъекта, создающего это значение. Когда гуманисты возмущаются, что структуралисты убили историю, Фуко настаивает: «Предмет этой безутешной скорби – не подъем, а напротив, упадок того типа истории, что тайно и без остатка был обусловлен синтетической активностью субъекта; так оплакивают идею становления, которая предоставляла суверенному сознанию убежище более надежное, более труднодоступное, нежели мифы, системы родства, языки, сексуальность или желание; эти причитания об утерянной возможности реанимировать с помощью замысла, работы смысла, движения всеобщности или взаимодействия материальных установлений законы практик, системы бессознательных устойчивых, но неосмысленных отношений, совершенно необоснованы, – это плач об идеологическом использовании истории, при помощи которого мы пытались вернуть человеку то, что уже не одно столетие ускользает от него. В старую цитадель такой истории мы снесли сокровища, нам не принадлежавшие; мы верили в крепость ее стен, мы сделали ее последним прибежищем антропологической мысли» [3, 17].

Фуко отрицает, что история идей – набор ментальных навыков, объединенных убеждением, что история должна быть длинной линейной историей, часто наполненной кризисами, где все анализируется с точки зрения причинно-следственной связи. Такое понимание, по словам философа, присуще марксизму. Вместе с тем эта своего рода «биологическая» модель истории тесно связана с эволюционной теорией. Обе парадигмы, по мнению Фуко, основаны на понятии, что изменения – это неизбежный элемент исторического бытия [7, 582-583].

История с большой буквы «И», по Гегелю, предусматривает уникальную форму рациональности, царящей в историческом процессе. Вместо этого Фуко настаивал на многочисленных формах рациональности, часто связанных между собой множественными связями и даже не обязательно изоморфных [8, 450]. Его археологическая альтернатива состоит в том, чтобы конституировать серии событий и серии серий (таблицы – схемы – списки) с присущим им собственным временем и хронологией. «Подобного рода изменения... разрывают длинные цепи, сложившиеся вследствие прогресса сознания, телеологии разума или эволюции человеческой мысли, и ставят под вопрос феномены совпадения и совершения, а равно и самое возможность обобщения; они индивидуализируют различные ряды и последовательности, взаимодействие которых (наложение, совмещение, взаимозамещение и пересечение) не позволяет свести их к простой линейной схеме.» [3, 12].

Фуко считал, что многие современные ему историки (речь идет прежде всего о Школе Анналов) работали с осознанием этой множественности рациональностей: «Вместо непрерывной хронологии разума, неизменно направленного к своим основаниям и направляющего нас на поиски недостижимого истока, порой возникают весьма краткие очередности, восстающие против единого закона, обладающие каждая своим особым типом истории, и несводимые при этом к общей модели открытого, развивающегося и памятующего о себе сознания» [3, 12]. Вместо многочисленных бинарных оппозиций таких, как «традиция/инновация», «старое/новое», «мертвое/живое», «закрытое/открытое», «статическое/динамическое» и др., наполняющих традиционную историю, Фуко предлагает «анализ поля одновременных различий, означающих возможное рассеяние знания в данной эпохе, и следующие отличия, определяющие ансамбль трансформаций, их иерархию, зависимость и уровень». Другими словами, он пытался «изложить историю постоянных

различий, точнее говоря, историю идей как ансамбля специфических, дескриптивных форм не-идентичности» [7, 684]. Таким образом Фуко надеялся освободить историю от тройной метафоры, которая более века определяла характер академического историописания: 1) история как эволюция, которую определяют как регрессивную или адаптивную; 2) биологическое понимание истории: история делится на инертную и живую; 3) история как динамика, когда ее рассматривают как мобильную или неподвижную. Придерживаясь идеи прерывности и сопутствующих ей концепций, Фуко не испытывал никакой привязанности к бинарным оппозициям.

Однако главная критика Фуко к истории идей, сыгравшая важную роль в его археологическом проекте, касалась отрицания сферы дискурса как такового, отрицание его целостности и существования автономного закона. Под «дискурсом» Фуко подразумевал серию высказываний (*énoncé*), образующих набор правил, которые конституируют определенную коммуникативную сферу. Например, дискурс рационального/иррационального в XVI веке показывает, как люди могли (или не могли) думать о некоторых индивидах с точки зрения этого противостояния. В традиционной истории дискурсивная сфера часто подменяется и/или редуцируется к сфере психологической, лингвистической (риторической) или семантической. На самом деле дискурс следует рассматривать с позиции «эффекта паутины», распространяющейся на все сферы мышления и практики.

В «Археологии знания» Фуко уточняет: то «столько вещей, сказанных столькими людьми на протяжении стольких тысячелетий, появились не только посредством законов мысли, не только благодаря стечению обстоятельств, не просто как знаки, на уровне словесных перформансов того, что смогло развертываться в порядке разума или в порядке вещей, но того, что они появились благодаря всей игре отношений, характеризующих собственно дискурсивный уровень; что вместо того, чтобы быть случайными фигурами, как будто привитыми почти что случайно к *безмолвным* процессам, они рождаются согласно частным закономерностям; одним словом, что если есть сказанные вещи, то непосредственную причину нужно искать не в вещах, являющихся сказанными, и не в людях, которые их сказали, но в системе дискурсивности, в устанавливаемых ею возможностях и невозможностях высказываний» [3, 130].

Фуко надеялся освободить дискурс от его неопределенного статуса, выраженного в таких дисциплинах, как история идей, история науки, история мысли, история знания, история сознания. На его взгляд, они свидетельствуют о существенной размытости этой сферы, недостатке понимания ее объекта и отношении к другим, более очерченным сферам исторических исследований, в том числе социальной, политической или экономической истории. Эту неопределенность Фуко пытался преодолеть с помощью понятия дискурсивных практик. «Дискурсивные практики, – писал философ, – не являются чистыми и простыми способами производства дискурса. Они формируются в технических ансамблях, в институтах, в поведенческих схемах... в педагогических формах...» [10, 12]. Анализ дискурсивных практик, был убежден мыслитель, поможет упорядочить пространство между историей идей и социальной, политической и экономической историями.

Литература

1. Вен П. Фуко совершает переворот в истории // Как пишут историю. Опыт эпистемологии. Приложение: Фуко совершает переворот в истории / Поль Вен; Пер. с французского Л. А. Торчинского. – М.: Научный мир, 2003. – С. 350-390.
2. Грицанов А. А., Можейко М. А. Фуко (Foucault) Мишель Поль // Специализированная электронная библиотека по антропологии. – Режим доступа: http://anthropology.rchgi.spb.ru/fuko/fuko_b.htm
3. Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
4. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1974-1975 учебном году. – СПб.: Наука 2005. – 432 с.

5. Эрибон Д. Мишель Фуко / Перевод с французского Е. Э. Бабаевой; Предисловие и научная редакция С. Л. Фокина. – Москва: Молодая гвардия, 2008. – 378 с.
6. Canguilhem G. On the Normal and the Pathological / Trans. Carolyn R. Fawcett with an introduction by Michel Foucault. – Dordrecht: R. Reidel, 1978. – 327 с.
7. Foucault M. Dits et écrits, 1954-1988. Tome I: 1954-1969. – Paris: Gallimard, 1994.
8. Foucault M. Dits et écrits (1954-1988). Tome IV: 1980-1988. – Paris: Gallimard, 1994.
9. Foucault M. *Theatrum philosophicum // Aesthetics, Method, and Epistemology (Essential Works of Foucault, 1954-1984, Vol. 2)* / Michel Foucault; ed. James D. Faubion. – New York: The New Press, 1999. – С. 343-368.
10. Foucault M. *The Will to Knowledge // Ethics: Subjectivity and Truth (Essential Works of Foucault, 1954-1984, Vol. 1)* / Michel Foucault; ed. Paul Rabinow. – New York: New Press, 1998. – С. 11-16.
11. Foucault M. *Titres et travaux. Plaquette éditée pour la candidature au Collège de France.* – Paris : Gallimard, 1969.
12. Foucault M. *Une histoire restée muette // La Quinzaine littéraire.* – 1er-15 juillet, 1966. – n° 8. – С. 3-4.
13. Furet F. *In the Workshop of History* / trans. Jonathan Mandelbaum. – Chicago: University of Chicago Press, 1984. – 266 с.
14. Megill A. *Foucault, Structuralism, and the Ends of History // The Journal of Modern History.* – Sept., 1979. – Vol. 51, No. 3. – С. 451-503.